

ЭО, 2008 г., № 2

© Д.В. Маслов. Рец. на: А. Халемба. *The Telengits of Southern Siberia. Landscape, religion and knowledge in motion*. N.Y.: Routledge, 2006. 217 p.

Книга Агнешки Халембы "Теленгиты Южной Сибири. Земля, религия и знания в движении", вышедшая в издательстве "Раутледж", может быть встречена с энтузиазмом не только заинтересованными в сходной теме специалистами, но и более широкой публикой. Автор заслуженно получила известность и авторитет в своей области еще до выхода первой монографии. Во многом это произошло благодаря многолетним полевым исследованиям, которые с перерывами продолжались с 1993 по 1999 г. (р. 1), и хорошему знанию культуры теленгитов и современного Алтая вообще. Богатый фактический материал – авторские полевые заметки, интервью – так искусно вплетен в структуру книги, что иногда сложно понять, является ли он дополнением к теоретическим рассуждениям или, наоборот, теоретические рассуждения дополняют встречающиеся рассказы.

Собранный автором в 1990-е годы материал уже находил свою реализацию не в скучных трудах, а в "живых", связанных с реальной жизнью региона, исследованиях, в которых научная проблематика успешно сочеталась с описанием актуальных забот культуры, находящейся в состоянии трансформации.

Рецензируемая книга, как пишет А. Халемба, "посвящена исследованию современной религиозной жизни теленгитов" (р. 1). Стоит отметить, что автор сквозь весь текст ведет своего читателя к осознанию того факта, что изучение религиозности для антрополога останется блеклым и неполным без рассмотрения связи указанной темы с политической и социальной жизнью. Религиозная жизнь предстает перед нами как сфера, где находят свое выражение самые важные тенденции развития общества.

Книга состоит из двух частей: "Земля и движение" и "Ритуал и знание", каждая из которых включает четыре главы. Первая часть – это описание важнейших категорий культуры¹ или, как называет их автор, "измерений культуры" (р. 3) теленгитов и алтайцев. Во второй части А. Халемба рассматривает основные черты религиозного мировоззрения теленгитов, основываясь на описанных в первой части "измерениях культуры".

Описание культуры теленгитов начинается с раскрытия значения понятия Земля (landscape). Английское landscape – термин, который употребляет автор, сложно перевести буквально, поскольку здесь имеется в виду совсем не то утилитарное географическое значение, которое по-русски передается словом ландшафт. В рецензируемой книге этому термину придано широкое культурное значение.

В языке теленгитов есть отдельная категория *Эре Чуи*, обозначающая пространство культуры и противопоставляемая административному названию "Кош-Агачский р-н" благодаря религиозному и мифологическому наполнению. Существует также несколько значений слова Алтай. Разграничение в этом случае можно провести по аналогии с представленным выше: категория, имеющая культурное, мифологическое и религиозное значение, и слово, имеющее административный смысл. А. Халемба отводит основное место раскрытию именно культурных коннотаций понятия Земля как модели, объединяющей процессы понимания Эре Чуи и Алтая, и ее демонстрации.

Отношение к Земле – фундаментальная основа *идентичности* теленгитов и шире – всех алтайцев (р. 3), оно не имеет ничего общего с субъектно-объектной "нововременной" моделью. "Земля, – пишет А. Халемба, – в понимании теленгитов является частью представления о личности, поэтому земля и люди должны рассматриваться как частные проявления более общего единства" (р. 47). "Теленгиты очень чувствительно осознают силу, священность и уникальность

своего региона – Алтай. Люди, которые приняли решение покинуть его, после того как были им приняты, таким образом показывают свое неуважение и презрение к святости Алтая. Алтай – это могущественное место, и если кто-либо принимается им, то не может больше покинуть...избежав наказания за это" (р. 41). Это место, на основе которого люди строят свою идентичность, не может быть разгорожено четкими границами, наоборот: "Несмотря на то, что теленгиты отличают тех, кто живет внутри Эре Чуи, от тех, кто живет за ее пределами, границы Эре Чуи являются не линии, а точки... Эре Чуи в своем первоначальном значении – это не обыденное пространство, а могущественное место. Его границы распознаются ситуативно, в процессе вовлечения людей в сеть, объединяющую отдельно друг от друга существующие места средоточия силы" (р. 44).

Находя описанные выше представления о земле в основе идентичности теленгитов, А. Халемба совершает интересный методологический поворот. Характеристики представлений о земле, которые были нам знакомы из других работ (*Денисова 1980, Дьяконова 2000, Львова и др. 1988, Кыдыева 1997, Хазанов 1979*), воспринимаются не как остатки "традиционной культуры", объективной и внешней по отношению к человеческой повседневности, но как аспекты личности, которые можно увидеть в ее поведении. Такой подход придает этому понятию другую онтологию, отличную от той, которая представлена в отечественных работах по схожей тематике.

В категории движения (motion) автор видит не сугубо хозяйственный, важный для культуры номадов смысл, но рассматривает ее как "тип активности, производящий знание" (р. 62). По ее мнению, знание (в первую очередь религиозное) приобретает легитимный характер не в сакральном письменном тексте, а в постоянном процессе обращения к личному опыту общения с Землей, Алтаем.

"Для теленгитов значение конкретного места создается индивидуально, что соотносится с более общим взглядом на то, как строятся отношения с соблюдением обычаев. Главная идея заключается в том, что каждый человек создает свой собственный путь следования через обычаи (*жан*), точно так же как он выбирает путь пересечения местности... Движение – это также метафора для познания, где ударение может переместиться с понимания знания как явления приобретаемого и передаваемого на сам процесс овладения им" (р. 63).

Заметное место в книге А. Халембы занимает противопоставление практикуемой, повседневной культуры (смыслов, которые придают своему поведению обычные люди) и культуры элиты, которая пытается привнести нужные ей смыслы, в первую очередь имеющие характер нацистроительства, в повседневную жизнь людей.

В рамках такого понимания в тексте проступают оппозиции: "твердость" – "гибкость", "город" – "деревня", "оседлость" – "пасторализм". Аналитическое выражение они принимают в виде используемых А. Халембой теоретических концептов других авторов, например, в виде концепции различия между "вождескими" и "шаманистскими" представлениями о "Земле", предложенной К. Хамфри (р. 62–63). А. Халемба иллюстрирует это различие описанием двух поездок по Алтаю; одна (в компании жителей города) "больше походила на паломничество по установленному ряду значимых мест, которые находились в определенном месте, ожидая людей, как постоянные точки, наделенные особой силой" (р. 71), вторая (среди теленгитов Кош-Агачского р-на) больше походила "на передвижение само по себе, мобильность, посредством которой приобретаются знания" (р. 71). Различительная линия здесь наиболее явно прослеживается в противопоставлении путешествия как паломничества и путешествия как созерцания, семиотический монолог против диалога, канон против личного выбора и симпатий. Такая логика объяснима и соответствует более общей картине разделения сельского и городского населения Горного Алтая по религиозному принципу на приверженцев буддизма, бурханизма и шаманизма, которую можно составить после прочтения книги А. Халембы.

Проведя подробный анализ представленных выше измерений культуры теленгитов, автор во второй части работы рассматривает их современную религиозную жизнь, ритуалы и представления. Эта часть чрезвычайно познавательна с фактической точки зрения. Здесь можно встретить интереснейший анализ современных практик такого ритуала, как "Чага байрам", и – что

не менее важно и ново – сравнение смыслов, которые придают ему люди в *разных деревнях одной культурной области* (р. 111–134), интерпретации современной космологии теленгитов (р. 135–150), анализ постсоветских представлений о социальных ролях ламы, шамана и "билер кижиги"² (р. 151–165), описание процессов "вспоминания" и "натурализации" ритуалов и общественных церемоний (р. 166–186).

Несмотря на общие положительные впечатления от книги А. Халембы, в процессе чтения рецензируемой монографии у меня все же возникло несколько критических мыслей.

Автор считает, что идентичность теленгитов строится в первую очередь на основе особого отношения к окружающей среде, Алтаю. Но, на мой взгляд, в том, как оно проявляется, и состоит основная проблема. К сожалению, она почти не раскрыта в книге А. Халембы. Процесс социализации в современном обществе теленгитов достаточно сложен и неоднороден даже в сельских районах. И если считать (а я придерживаюсь именно такого мнения), что идентичность уходит корнями не в мировоззрение, как правило, более или менее единое в рамках этнической группы, а в практики, то вряд ли можно согласиться с тем, что для всех теленгитов это особое отношение к земле является основой идентичности, а не просто моральным императивом. Предлагаемое А. Халембой "измерение культуры" теленгитов – движение как способ приобретения знания – лишь одна из немногих практик, которые можно увидеть у теленгитов. Автор же абсолютизирует этот принцип, что приводит к противопоставлению "городских" и "сельских" мировоззрений, а это разделение хоть и очень интересно, но в нем нивелируется сложность той культуры, которую можно встретить вне города, которая, по сути, для А. Халембы и является культурой теленгитов. Мне кажется, что абстракции А. Халембы не стоит распространять на всех теленгитов. Это не значит, что они не верны, напротив, возможно, это лучшее из имеющегося сегодня, но, к сожалению, характеризуют они только группу "билер кижиги". Таким образом, мое сомнение в большей мере может быть адресовано названию книги, в котором видна претензия на описание общества в целом, в то время как сама книга по сути репрезентирует может быть и самую авторитетную, но только одну социальную группу.

В целом работа получилась целостная и глубокая, и поэтому она достойна внимания всех, кто интересуется современным состоянием культуры народов Сибири.

Примечания

¹ А. Халемба не использует этот термин. Однако по смыслу этот подход очень похож на получившие популярность идеи А.Я. Гуревича.

² Человек, обладающий способностью (видеть, слышать, гадать и т.д.) получать знание религиозного значения.

Литература

Денисова 1980 – Денисова Н.П. Община у кочевников горно-степной зоны Южной Сибири в конце XIX – начале XX веков. (Саяно-Алтай). Дис. ... к.и.н. М., 1980.

Дьяконова 2000 – Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

Кыдыева 1997 – Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае: конец XIX–XX в. Историко-этнографическое исследование. Дис. ... к.и.н. М., 1997.

Львова и др. 1988 – Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.

Хазанов 1979 – Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.